

ОБРАЗ СПЕЦСЛУЖБ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914 – 1917)

© 2008 А.А.Иванов

Мурманский институт экономики Санкт-Петербургской академии управления и экономики

Статья посвящена изучению эволюции общественных взглядов на службу военной контрразведки России в период ее участия в мировой войне. В ходе исследования выявлены основные этапы развития отношения граждан Российской империи к органам по борьбе со шпионажем, проанализирована взаимосвязь между процессом реформирования контрразведывательных структур и трансформацией их образа в массовом сознании. Сделаны выводы об уровне общественной поддержки контршпионских мероприятий в 1914 – 1917 годах.

История отечественных органов государственной безопасности в последние годы завоевывает все большую популярность среди исследователей. По словам одного из наиболее авторитетных специалистов в данной области А.А.Здановича, это объясняется необходимостью переосмысления места и роли спецслужб в жизни общества и государства. Тем не менее, основная масса работ соответствующей тематики в большей степени посвящена исследованию спецслужб как замкнутых и дистанцированных от общества социально-политических конструктов. Особенно это актуально для истории органов внутренней безопасности России, важнейшим из которых является служба контрразведки (контршпионажа, военного контроля).

С технической точки зрения основная деятельность этого учреждения заключается в получении и классификации сведений о лицах, подозреваемых в шпионаже, производстве расследований и осуществлении обысков и арестов уличенных иностранных агентов. При этом в своей работе контрразведчики получают информацию о действиях вражеской агентуры не только из донесений тайных агентов и сотрудников смежных ведомств, но и от частных лиц, что выводит на первый план взаимодействие военного контроля с широкими слоями общественности. Иными словами, как писал один из основоположников российской контрразведки генерал Н.С.Батюшин, объектом ее работы должны являться все сферы "материальной и духовной деятельности народов"¹.

Вместе с тем, отношения между отечественными спецслужбами и российским обществом во все времена характеризовались опре-

деленной напряженностью, а порой даже конфликтностью. Связано это с тем, что органы государственной безопасности в своей работе вынуждены прибегать к использованию "тайных, негласных методов и средств для решения законодательно закрепленных задач". Как следствие, основная масса граждан страны находится в неведении относительно сущности работы спецслужб, что естественным образом порождает появление разнообразных слухов и сплетен, закрепляемых в массовом сознании в форме стереотипов.

Мировая практика показывает, что подобные стереотипы, в основном, носят весьма нелицеприятный для контрразведчиков характер, так как большинству людей от природы свойственно бояться неизвестных или непонятных им явлений, к которым относится и скрытая от глаз обывателей борьба со шпионажем. Вместе с тем, поскольку "ни один режим – от самодержавного до анархического – не может не заботиться о самосохранении", органы внутренней и внешней безопасности в любой стране мира являются неотъемлемой частью системы государственного управления вне зависимости от отношения к ним населения.

Наибольшее значение их деятельность приобретает в кризисные для общества и государства моменты истории, когда эффективность обеспечения безопасности тех или иных структур в немалой степени предопределяет саму возможность их дальнейшего существования в неизменном виде. К таким моментам традиционно относят крупномасштабные вооруженные конфликты и революционные потрясения в экономической, политической, ре-

лигиозной и т.д. жизни страны. В полной мере этот тезис применим и к России.

На протяжении своей долгой истории наша страна нередко оказывалась "на перепутье", когда от выбора дальнейшего пути развития зависела будущая форма ее государственного и общественного устройства. При этом, сильнейшим стимулом к началу тотальной перестройки основополагающих институтов российской государственности традиционно выступали неудачи в войнах. Так, поражение в Крымской войне спровоцировало отмену крепостного права и последовавшие за ней Великие реформы Александра II, а одним из последствий неудачной Русско-японской войны выступила первая русская революция, повлекшая за собой издание Манифеста 17 октября и создание Государственной думы. Одним из таких поворотных событий в отечественной истории без сомнения являлась и Первая мировая война.

По признанию противников России, отечественная система противодействия иностранным спецслужбам в 1914 – 1917 годах считалась одной из лучших в Европе и опередила в своем развитии, скажем, немецкую контрразведку минимум на три года². Несмотря на это, отношение к органам по борьбе со шпионажем внутри страны было куда более сдержанным. Контрразведку часто обвиняли в преступном бездействии, халатности, невероятной коррумпированности и даже аморальности. Постараемся выяснить причину появления таких взглядов на контршпионские ведомства и их распространение в обществе. Обратимся к фактам.

Первая мировая война стала одним из важнейших событий XX века не только для России, но и для всей Европы. Принесла немислимые бедствия и разорение большинству европейских народов, она дала мощнейший импульс развития науке, искусству, военному делу. Аналогичное влияние она оказала и на контрразведывательные органы воюющих сторон. Российская Империя не была исключением.

В преддверии войны Россия стала одним из важнейших объектов германской разведки³, а также австрийских и японских шпионов. Противодействие им первоначально оказывало Разведочное отделение Главного штаба, а затем созданные в 1911 году и объединенные в

единую систему 11 контрразведывательных отделений (КРО) в разных регионах империи от Прибалтики до Дальнего Востока⁴.

Вследствие того, что военной разведкой в начале прошлого века считался "сбор всякого рода сведений о вооруженных силах и укрепленных пунктах государства, а также имеющих значение географических, топографических и статистических данных о стране и путях сообщения, производимый с целью передачи их иностранной державе"⁵, работа этих ведомств заключалась "в своевременном обнаружении лиц, занимающихся разведкой для иностранных государств, и в принятии мер для воспрепятствования разведывательной работе этих государств в России"⁶.

Подобная трактовка целей и задач военно-контрольной службы практически исключала возможность их вовлечения в конфликт с общественно-политическими организациями внутри страны. К тому же, противодействие антигосударственным выступлениям политической оппозиции являлось прерогативой Отдельного корпуса жандармов (ОКЖ) и Департамента полиции, а вовсе не контрразведки. Именно в этом историк спецслужб Л.С.Яковлев видел главное преимущество российских контршпионских ведомств перед их зарубежными аналогами: "Удачно был выбран принцип создания самостоятельных органов контрразведки. Они создавались не в системе политического розыска, а отдельно от нее. Это создавало для контрразведки определенный положительный имидж и гарантировало ограждение от занятий несвойственными ей функциями". Благодаря этому, отношение к органам по борьбе со шпионажем в предвоенные годы было весьма позитивным, что объяснялось несколькими факторами.

Во-первых, контршпионские ведомства являлись для России сравнительно новым учреждением (первая контрразведка появилась только в 1903 году) и за относительно короткий срок существования не успели запятнать свою репутацию. Во-вторых, работа по пресечению разведывательно-диверсионной деятельности иностранных агентов считалась в целом необходимой и полезной. К примеру, полную поддержку российской общественности получили действия сибирских контрразведчиков по ликвидации японской организации "Кёрюминкай", заподозренной в связях с

Генеральным штабом Страны восходящего солнца⁷. В-третьих, свою роль сыграла и слабая осведомленность большинства граждан о кадровом составе КРО. Ведь начальниками всех контрразведывательных отделений были назначены бывшие жандармские офицеры⁸, авторитет которых в Российской империи начала XX века был низок как никогда. Следовательно, высокая степень конспирации военного контроля отчасти позволяла ему избегать конфликтов с антимонархически настроенной элитой общества. С началом мировой войны ситуация претерпела заметные изменения.

С первых же дней войны отечественные спецслужбы столкнулись с довольно высокой активностью иностранных разведчиков. К примеру, уже в конце августа 1914 года сотрудниками Департамента полиции в непосредственной близости от Архангельска был задержан подозрительный немецкий пароход, имевший на борту радиотелеграфную станцию.⁹ В том же месяце Главное управление Генштаба русской армии вскрыло шпионскую деятельность немецкого агента К.Бергхарда, работавшего под видом коммивояжера в Петрограде и Саратове. Не бездействовала и австрийская агентура: разведшколы в Вене, Кракове и Кошице форсированно готовили профессиональных шпионов для засылки на территорию России¹⁰. А в октябре 1914 года Военное министерство засекло и факты участия турецких дипломатов в ведении разведывательной деятельности и развертывании панисламистской пропаганды в разных концах страны.

Поскольку начальный этап военных действий характеризовался грандиозным всплеском патриотизма в Российской империи, это наложило отпечаток и на особенности контршпионской работы отечественных силовых структур. В частности, многие русские солдаты и офицеры, завербованные иностранными спецслужбами, после попадания на территорию России тотчас же шли с повинной в контрразведку. Так, например, поступил подпоручик 23-го Низовского пехотного полка Я.Колаковский, признавшийся в получении от немцев заданий по подрыву моста под Варшавой и убийству великого князя Николая Николаевича¹¹.

Подобные случаи в предшествующий период имели место лишь во время Отечественной войны 1812 года, также сопровождав-

шейся патриотическим подъемом. Недаром война с державами Четверного союза получили название Второй Отечественной. Впрочем, несмотря на такие проявления верности присяге и долгу, случаи измены российских подданных в 1914 году также были весьма нередки. К примеру, переправкой австрийских шпионов через границу стали активно заниматься жители прифронтовой полосы, получавшие за это жалование в размере 20 рублей.

Под воздействием официальной антигерманской пропаганды подобные случаи привели к тому, что в общественном сознании наметился "перенос комплекса отрицательных эмоций ненависти и ожесточения, связанных с образом внешнего врага, на образ врага внутреннего – "внутреннего немца"¹². В свою очередь, подобная экстраполяция повлекла за собой развитие шпиономании и доношительства.

Жандармский генерал А.И.Спиридович отмечал, что с первых же дней войны "как-то странно сильно стали говорить в Петербурге о шпионаже немцев", а с фронта "шли слухи, что еврейское население чуть ли не сплошь занимается шпионажем". Последнее грозило превратиться в настоящую проблему, поскольку эту точку зрения разделяли даже члены Совета министров!

Высшее военное командование также попало под влияние антисемитских настроений, посчитав, что "евреи деятельно скрывают дезертиров, способствуют побегам нижних чинов и вообще стараются ослабить мощь русской армии". А если высокообразованный офицерский корпус стал воспринимать российских евреев как пособников противника, то чего же следовало ожидать от простых солдат? Согласно докладам полицейских чиновников, к концу 1914 года в действующей армии укрепилось твердое мнение, что Генеральный штаб Германии всячески использует евреев, свободно владевших немецким языком, для ведения разведывательно-диверсионной работы на территории России "из-за склонности многих из них к преступлениям всякого рода за деньги".

В итоге, убежденность военных властей в наличии массового шпионажа со стороны евреев вынуждала сотрудников КРО тратить львиную долю своего времени на детальную разработку почти каждого доноса о фактах разведывательной деятельности иудеев. По данным С.Гольдина, на начальном этапе вой-

ны евреи "фигурировали как обвиняемые или подозреваемые в 20 – 30% дел, заведенных контрразведывательными отделами 2-й, 8-й, 10-й армий"¹³. Даже в 1915 году в официальных документах продолжали фигурировать следующие формулировки: "Предписываю предпринять безотлагательные меры к прекращению разъездов и путешествий евреев в районе от австрийской границы до Днестра. [...] Нарушителей же арестовывать".

Причина такого поведения контрразведчиков крылась вовсе не в их гипотетической враждебности по отношению к национальным меньшинствам, хотя подобные случаи тоже встречались, а, скорее, в низкой компетентности принятых на службу агентов. По свидетельству современников, в контршпионские органы зачислялись строевые офицеры и прапорщики, некоторые из которых "не имели никакого понятия ни о существе розыска, ни о технической его стороне"¹⁴. Попадая под влияние предрассудков и стереотипов, такие сотрудники часто неадекватно воспринимали поставленные перед ними задачи по обеспечению безопасности войск и стратегических объектов. Страдало же от этого местное население, подозреваемое в таких тяжелых преступлениях, как измена и шпионаж, независимо от наличия или отсутствия доказательств, не говоря уже о фактической вине. К примеру, среди ряда агентов военного контроля бытовало мнение будто "шпиона по роже видать".

В результате, по словам историка Н.В.Грекова, аресты подозреваемых в шпионаже проводились не в соответствии с "наличием у контрразведки компрометирующих конкретное лицо сведений, а национальной принадлежностью" этих лиц¹⁵. Это же подтверждается и данными А.В.Седунова¹⁶. Весьма существенно, что из этих фактов никто не делал секрета, вызывая довольно неоднозначную реакцию в России и за рубежом. Если представители националистических кругов, одобрявшие любую дискриминацию нерусских народов, выступали горячими сторонниками таких методов работы военного контроля, то социалисты и либералы, имевшие заметный вес, как в обществе, так и в Государственной думе, стали все больше склоняться к осуждению подобных контрразведывательных мероприятий.

На этом фоне такие отдельные успехи, как задержание австрийского шпиона Ф.С.Посовина и арест группы разведчиков, действовавших против 3-го кавалерийского корпуса, просто не замечались общественностью, предпочитавшей судить о работе контршпионских учреждений не на основе объективного анализа их агентурной деятельности, а путем соотнесения военного контроля Российской империи с образом "идеальной" контрразведки, сформировавшимся в массовом сознании в предвоенный период. Любое отступление от этого "идеала", чем и являлся, к примеру, антисемитизм в рядах контрразведчиков, воспринимался только в негативном ключе.

Наглядным примером могут послужить следующие эпизоды работы отечественной военно-контрольной службы в начале войны, описанные генералом В.Н.Клембовским: "Профессия, избранная шпионом при проживании в районе наших армий или в глубине России, определяла его способ работы. Большинство низших шпионов играли роль беженцев или дезертиров, некоторые занимались мелочной торговлей. Более крупные агенты выдавали себя за подрядчиков и коммерсантов. При штабе генерала Пфлянцера был сформирован отряд шпионов, состоявший из калек и стариков, выпрашивавших себе милостыню. Очень часто австрийцы вербовали в число шпионов 15 – 16 лет мальчиков; они терлись около штабов и обозов, подслушивали разговоры наших офицеров и солдат, рвали и портили телефонные провода; многие из них разъезжали по железным дорогам в эшелонах под видом добровольцев и, пользуясь симпатиями воинских чинов, легко получали нужные им сведения, а при случае выкрадывали бумаги у везших их и зазевавшихся писарей или ординарцев". Естественно, что арест стариков, калек и подростков по обвинению в шпионаже и подготовке диверсий расценивался обществом как антигуманный акт, также способствовавший разрушению позитивного образа контрразведки.

Все это вкупе с проявившимися в ходе боев на Восточном фронте недостатками организационно-штатной структуры и нормативно-правовой базы военно-контрольной службы привели к началу ее реорганизации летом 1915 года. Общий вывод, сделанный генералом М.Д.Бонч-Бруевичем, гласил, что работа

контрразведки "сводилась к улавливанию случайно попавшихся разведчиков и шпионов"¹⁷. Отчасти это связывалось с тем, что весь начальный период войны отечественные контрразведывательные структуры в разных регионах были вынуждены работать по собственным правилам, принципам и инструкциям, часто отличавшимся друг от друга, что мешало наладить взаимодействие между КРО.

В свою очередь, такая бессистемность в работе органов госбезопасности воспринималась в обществе как свидетельство их слабости и ненадежности. По словам известного общественного деятеля И.Солоневича, контрразведка работала "скандально плохо". Эту точку зрения разделяли многие обыватели, поскольку большинство из них не имело точных данных о секретной деятельности военного контроля. Выводы делались ими на основе слухов, сплетен и информации о нескольких шпионских скандалах, связанных с военным министром В.А.Сухомлиновым¹⁸ и председателем Совета министров Б.В.Штюрмером. Свою роль сыграли и не утихавшие разговоры о шпионаже приближенного Николая II Г.Распутина и императрицы Александры Федоровны (Алисы Гессен-Дармштадтской) в пользу немцев.

Исходя из этого, информационный вакуум, царивший вокруг работы контрразведки, вполне может служить своеобразным оправданием ошибочности общественного взгляда на военно-контрольную службу. К примеру, во избежание подобной ситуации спецслужбы Великобритании еще в октябре 1914 года сделали следующее заявление: "По причине естественного беспокойства, проявляемого общественностью, в связи со шпионской системой, на которую в значительной степени рассчитывала Германия, мы считаем целесообразным кратко сообщить о согласованных мерах, принятых Министерством внутренних дел вместе с Адмиралтейством и Военным министерством в этой области. Больше нет необходимости сохранять в секрете от общественности этот факт, который должен был храниться в тайне до сего момента". Так оперативная и своевременная работа английской контрразведки по формированию общественного мнения способствовала предотвращению естественным образом возникающих конфликтов между спецслужбами и обывателями, что вы-

годно отличало ее от коллег в Российской империи.

Между тем, назревавшая реорганизация нашла свое отражение в пересмотре нормативно-правовой базы борьбы со шпионажем. В первую очередь, для выполнения этой задачи в апреле 1915 года в Петроград руководителями региональных военно-контрольных учреждений были направлены все документы, регламентировавшие их работу¹⁹. На основе глубокого анализа этих "инструкций", "правил" и "положений" Ставкой при непосредственном участии генерала М.Д.Бонч-Бруевича, а также ряда сотрудников ГУГШ, было разработано и утверждено "Наставление по контрразведке в военное время" от 6 июня 1915 года. В этом документе оговаривались цели и задачи контрразведки, ее полномочия, структурная подчиненность и даже формы делопроизводства. По признанию большинства современных исследователей, "Наставление..." в целом оказало позитивное влияние на эволюцию отечественной контрразведывательной службы.

Тем не менее, оно все же не смогло искоренить изъяны КРО, затруднявшие их взаимодействие с широкими слоями общественности. На это в конце 1915 года обратил внимание директор Департамента полиции Р.Г.Моллов, составивший "Записку о мерах борьбы со шпионством", которая представляет собой интереснейший источник по истории российских спецслужб. В нем отмечалось, что "контрразведывательные бюро, будучи учреждениями нелегализованными, должны работать как бы из подполья и скрывать свою деятельность и существование даже от воинских частей", в то время как "борьбу со шпионажем нужно сделать открытой, популяризировать ее, придать ей патриотический характер", вовлечь в контршпионскую деятельность "все слои общества, все правительственные учреждения независимо от того, к какому они принадлежат ведомству". Однако консервативность и традиционная обособленность армии и спецслужб России от тех людей, безопасность которых они были призваны оберегать, не позволила произвести столь радикальные преобразования, и предложение Моллова осталось без внимания.

Тем не менее, труд директора Департамента полиции по составлению "Записки..." все же не был безрезультатным. В этом доку-

менте впервые за долгое время поднимался вопрос о мерах по улучшению взаимодействия контрразведки с местными жандармскими управлениями. Наиболее актуально это было для контршпионской службы на флоте. Созданный в 1915 году военно-морской контроль был вынужден опираться в своей работе на жандармов, оказавшихся в подчинении сразу двух силовых ведомств – ОКЖ и Морского Генштаба, что в дальнейшем привело к совершению контрразведчиками ряда ошибок, самой известной из которых стало печально знаменитое "дело аскольдовцев".

Толчком к этому делу послужило донесение начальника Архангельского губернского жандармского управления, согласно которому моряки крейсера "Аскольд", готовились поднять на корабле бунт после его выхода в море. Дело было передано в Морской Генеральный штаб. В ночь на 21 августа 1916 года на крейсере произошел взрыв в кормовом погребе 75-миллиметровых снарядов. Несмотря на незначительность повреждений, взрыв был сочтен попыткой диверсии. В ходе расследования комиссией, в состав которой вошли столичный военный следователь подполковник И.Найденев и офицеры корабля, установили, что взрыв был подготовлен по заданию германской разведки унтер-офицером И.М.Андреевым, сбежавшим с крейсера за 3 дня до диверсионной акции. Исполнителями признали четверых матросов крейсера, которым вынесли смертный приговор, приведенный в исполнение 15 сентября 1916 года в Мальбурске. Впоследствии выяснилось, что унтер-офицер И.М.Андреев к взрыву причастен не был, а расстрел матросов не обоснован, ввиду недоказанности обвинений.

В период военных действий такие случаи оказывают угнетающее воздействие на солдат и матросов, действуя на них разлагающе и вызывая естественный протест против произвола и безнаказанности спецслужб. При этом важно учитывать, что уровень общественной поддержки контрразведывательных органов в начале XX века, как и на современном этапе развития России, складывался из количества ошибок агентов военного контроля, а вовсе не их успехов. Один провал в этом случае вполне способен затмить несколько удачных операций, что и произошло на Русском Севере после "дела аскольдовцев". Так, арест местными

контрразведчиками иностранного агента О.Нильсена и торговца Сканке, уличенного в собирании сведений военного характера²⁰, прошел мимо внимания общественности.

Еще одной причиной падения престижа отечественной контршпионской службы являлось ее участие в преследовании подпольных националистических организаций в Финляндии, спонсировавшихся немецкими спецслужбами и привлекавшихся для организации диверсионных акций против русских и союзных военных кораблей на Балтике. Протест либеральной общественности, нередко сочувствовавшей финнам, боровшимся с царизмом за свою независимость, вызвал арест местной контрразведкой 12 студентов Гельсингфорского университета, обвиненных в подготовке теракта. При этом мало кого интересовала действительная степень вины задержанных – то есть, в массовом сознании арест будущих членов интеллектуальной элиты российского общества был неправомерен априори. Следовательно, стремление элиты обезопасить саму себя от посягательств со стороны органов госбезопасности с 1916 года начинал превалировать в ее действиях над необходимостью обеспечения безопасности всей страны, что еще больше усилило антагонизм с контрразведкой.

Отметим, что это было характерно не только для интеллектуальной, но и экономической элиты Российской империи. В частности, принятые военным контролем меры по пресечению шпионской деятельности немцев и австрийцев под прикрытием торговых фирм и контор "Ферстер и Геппенер", "Гергард и Гей", "Книп и Вернер", "Гейдеман" и "Шмидт"²¹ вызывали бурное негодование российских банкиров, терявших из-за этого своих проверенных партнеров. Арест же самих представителей банковского сектора, как, например, задержание в Петрограде банкира Д.Рубинштейна, заподозренного в связях с немецкими промышленниками, также не добавляло популярности контршпионским ведомствам.

Аналогичным образом на отношение граждан России к военному контролю повлияло и его участие в борьбе с рабочим движением. По данным Главного управления Генштаба, немецкое командование в 1916 году направило в Россию группу агентов с целью ведения "агитации по возбуждению революционного движения" на военных заводах и других промыш-

ленных предприятиях. Как следствие, контрразведчики приняли активное участие в предотвращении таких выступлений, аресте их зачинщиков и распропагандированных рабочих. При этом, неквалифицированность ряда сотрудников контрразведки не позволяла им уловить тонкую грань между противодействием политическому шпионажу и политическим же сыском, между предотвращением провоцированных немецкими агентами забастовок и борьбой с рабочим движением. Например, ротмистр сибирской контрразведки Н.Я.Чихачев, занимался арестами российских подданных "по обвинению в политической неблагонадежности", напрямую вторгаясь в сферу ответственности жандармерии. Все это дискредитировало отечественную военно-контрольную службу, создавая весьма предвзятое отношение к ней современников.

Справедливости ради следует сказать, что, несмотря на приведенные факты, качество, эффективность и оперативность в работе контрразведки постоянно росли. К примеру, если в начальный период войны всеми армейскими КРО было задержано около 90 германских шпионов, то за неполные три месяца 1916 года только контрразведка Юго-Западного фронта арестовала 87 агентов противника, а КРО 7-й армии смогло выявить еще 37 разведчиков. Кроме того, в расположении 3-го кавалерийского корпуса задержали австрийского шпиона С.А.Пучака, а на Западном фронте – генерал-майора Грейфена²².

Однако все эти успехи не были по достоинству оценены общественностью, поскольку военная контрразведка в массовом сознании считалась самодостаточным институтом, имевшим мало общего с вооруженными силами России. Так, например, успех Брусиловского прорыва в 1916 году никак не связывался с эффективностью работы органов, обеспечивавших секретность этой операции, во многом предопределившей победу русского оружия. Гражданское население не могло осознать тот факт, что контршпионаж в любом государстве выполняет лишь ресурсосберегающие функции и даже в условиях военных действий не может иметь самодовлеющего характера²³, а значит – показателем эффективности его деятельности служит качество работы тех ведомств и институтов, которые контрразведка призвана охранять.

Однако отсутствие связи и взаимодействия органов госбезопасности с обществом, их закрытость и конспиративный характер функционирования не позволяли населению вникнуть в суть осуществления контрразведывательных мероприятий, чтобы понять их важность и необходимость для страны в целом и каждого конкретного гражданина в частности. Как следствие, контрразведчики были вынуждены констатировать, что "не только в том штатском обществе, в котором я постоянно вращался, не имели никакого представления о контрразведке, ее назначении и цели, но и среди военных было весьма смутное понятие о сущности этого крайне сложного и необходимого учреждения".

Это привело к социальной изоляции органов военного контроля, отрезавшей их от одного из важнейших источников информации о деятельности вражеской агентуры, что, в свою очередь, не могло не сказаться на падении качества контрразведывательных мероприятий на фронте и в тылу. В то же время, неспособность наладить качественное противодействие иностранной разведывательно-диверсионной деятельности и обезопасить от нее все звенья военного управления Российской империи автоматически влекло за собой падение суммарной эффективности вооруженных сил, что проявилось в ряде поражений Русской армии на заключительном этапе войны. Поражения спровоцировали падение авторитета армии и действующей власти, рост недовольства населения и экстраполяцию этого недовольства на политический режим самодержавия, что, в конечном счете, привело к его падению в результате Февральской революции.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Батюшин Н.С.* Тайная военная разведка и борьба с ней. – М.: 2002. – С. 19.
2. *Яковлев Л.С.* Разведки Четверного Союза и контрразведка России в первой мировой войне // Геомилитаризм, геополитика, безопасность: альманах. – 2002. – №7. – С. 233.
3. *Гилленсен В.М.* Германская военная разведка против России (1871 – 1917 гг.) // Новая и новейшая история. – 1991. – №2. – С. 157.
4. *Кирмель Н.С.* Становление военной контрразведки Российской Империи // Военно-исторический журнал. – 2006. – №2. – С. 51.
5. Российский Государственный Военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. – Оп. 15. – Д. 26. – Л. 125.

6. *Галвазин С.Н.* Охранные структуры Российской Империи: Формирование аппарата, анализ оперативной практики. – М.: 2001. – С. 32.
7. *Тамура А.* Общество японцев на Дальнем Востоке России // Вестник ДВО РАН. – 2006. – №5. – С. 167.
8. РГВИА. Ф. 1468. – Оп. 2. – Д. 662. – Л. 3.
9. *Анин Б., Петрович А.* Радиошпионаж. – М.: 1996. – С. 250 – 251.
10. *Клембовский В.Н.* Организация военного шпионства в Австрии во время войны 1914 – 1918 гг. // Военно-исторический сборник. Вып. 4. – М.: 1920. – С. 98.
11. *Спиридович А.И.* Великая война и Февральская революция. 1914 – 1917 гг. В 3-х т. – Т. 1. – Нью-Йорк: 1960. – С. 106 – 107.
12. *Чертищев А.В.* Политические партии и массовое политическое сознание действующей Русской армии в годы Первой мировой войны (июль 1914 – март 1918 гг.): Автореф. дисс. ... докт. ист. наук.: 07.00.02. – М.: 2007. – С. 35.
13. *Гольдин С.* Евреи и шпионизм в Русской армии в годы Первой мировой войны // Легаим. – 2007. – №3.
14. *Курлов П.Г.* Гибель Императорской России. – М.: 1992. – С. 181.
15. *Греков Н.В.* Русская контрразведка в 1905 – 1917 гг.: шпионизм и реальные проблемы. – М.: 2000.
16. *Седунов А.В.* Губернская администрация и контрразведка Северного фронта в годы Первой мировой войны // Вестник молодых ученых. Серия: Исторические науки. – 2005. – №1. – С. 30.
17. *Бонч-Бруевич М.Д.* Потеря нами Галиции в 1915 г. Часть 2. – М.; Л.: 1926. – С. 230.
18. *Сейдаметов Д., Шляпников Н.* Германо-австрийская разведка в царской России. – М.: 1939. – С. 21.
19. *Зданович А.А.* Отечественная контрразведка (1914 – 1920): Организационное строительство. – М.: 2004. – С. 26.
20. Российский государственный Военный архив (РГВА). Ф. 40311. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 404.
21. ГВА. Ф. 40311. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 406.
22. *Лемке М.К.* 250 дней в царской ставке. 1916. – Мн.: 2003. – С. 216
23. *Васильев И.И., Зданович А.А.* Спецслужбы в зеркале социологии // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 1. – М.: 2006. – С. 34.

THE RUSSIAN EMPIRE SECRET SERVICE IN THE PUBLIC MIND DURING THE GREAT WAR (1914 – 1917)

© 2008 A.A.Ivanov

Murmansk Institute of Economics, Branch of St.Petersburg Academy of Management and Economics

The article is devoted to the evolution of the public views about the Russian counterintelligence service during the First World War. The research defines basic changes in the attitudes of Russian citizens towards counterespionage bodies. The correlation between the process of the counterintelligence structures reorganization and the transformation of their public image is analyzed, and the conclusion about the level of social support of counterespionage measures in 1914 – 1917 is made.